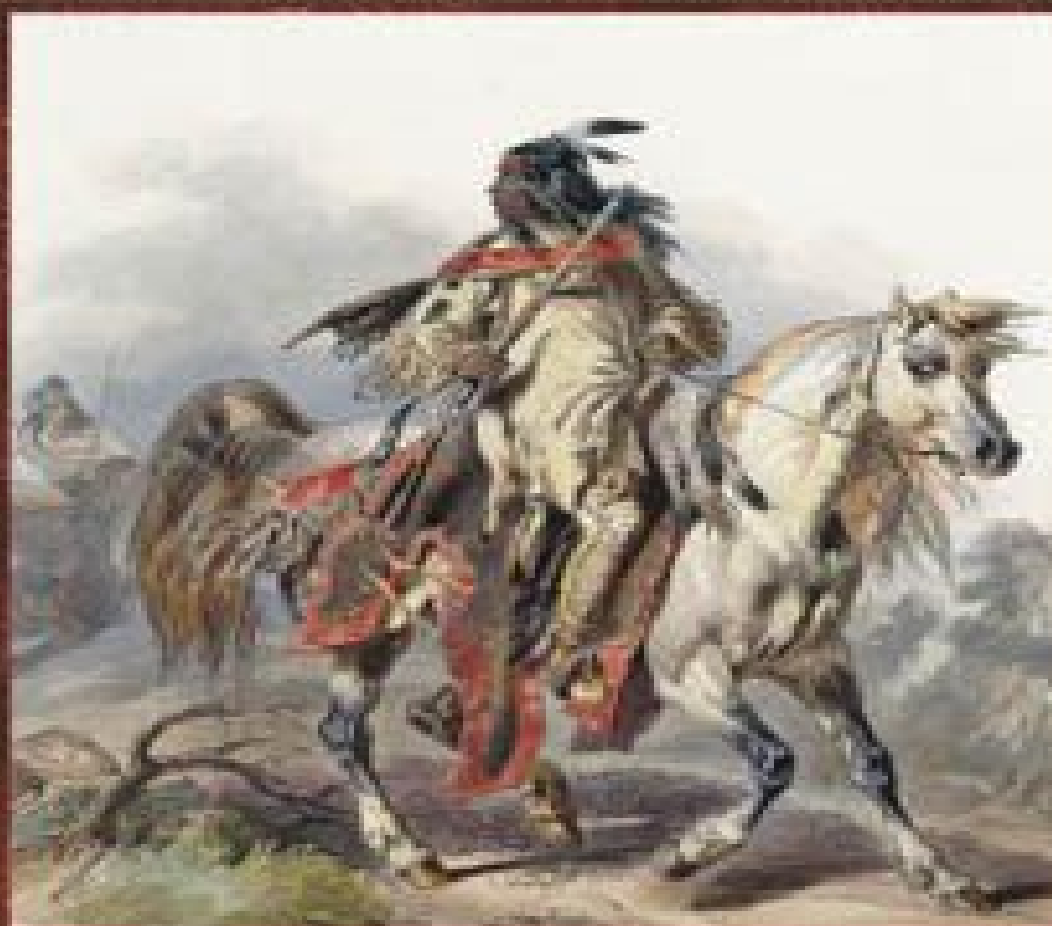

Белый вождь

Про книгу

Книги Майн Рида привлекали и привлекают своей романтикой. Это - романтика борьбы за правое дело, романтика подвига во имя высокой идеи, романтика мужественного преодоления препятствий, которые воздвигают люди и природа на пути отважного героя. Романтична и манера повествования, богатая красочными описаниями, напряженными диалогами...

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МАЙН РИД

Белый вождь

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»

Белый вождь

Томас Майн Рид

Томас Майн Рид

Белый вождь

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-3283-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Рид Т. М.

Р49 Белый вождь / Томас Майн Рид ; вступ. материалы Р. Трифонова и Е. Якименко ; худож. Д. Скляр. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека приключений», ISBN 978-966-14-1318-3 (Украина), ISBN 978-5-9910-1598-1 (Россия)).

ISBN 978-966-14-2431-8 (Украина, т. 6)

ISBN 978-5-9910-1826-5 (Россия, т. 6)

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

Факты, даты, цитаты

Современники о Майн Риде

Хелен Кроми Моллан , племянница Майн Рида

Его собственная жизнь, пересказанная точно и подробно, будет такой же интересной и разнообразной повестью, как самые увлекательные из всех чудесных рассказов, вышедших из-под его пера.

***

[Майн Рид] обладал способностью к едкому сарказму. Однако он редко использовал ее, почти никогда, — только как средство защиты или чтобы поставить на место лживого хвастуна. Наоборот, он был слишком добр и щедр, и у него был самый общительный характер. ... Любой темой, которую он выбирал для разговора, он мог заинтересовать всех вокруг. Он был душой компании.

Донн Пиатт , друг Майн Рида, у которого он жил в Америке в 1848 г.

Первый свой роман Майн Рид написал в моем доме, в котором провел зиму. Он приехал с Мексиканской войны, украшенный тяжелой раной и покрытый славой храбрейшего из храбрых в нашей маленькой армии. ...

Когда он не ухаживал за красивыми девушками ... и не скакал на моей кобыле, он писал роман, действие которого происходит в Мексике и на мексиканской границе. По вечерам он читал нам главы этого романа (он был прекрасный чтец), и если написанное недостаточно, по его мнению, хвалили, сердито ложился спать, по несколько дней не брался снова за перо и загонял кобылу своими дикими скачками. Я понял, что для того, чтобы спасти мою гнедую Дженни, нужно хвалить его работу. ...

Первый же гонорар, полученный за книгу, увел от нас этого не знающего покоя солдата удачи, и больше он к нам не возвращался. Он и так давно уехал бы, если бы не был отчаянно влюблен в одну из прекрасных обитательниц нашего дома. Но галантный ирландец не добился ответного огня ее больших голубых глаз и потому наконец отказался от ухаживания. ...

Между этим прощанием и нашей следующей встречей прошло почти двадцать лет. Майн Рид прославился и разбогател, истратил все состояние на строительство мексиканского ранчо в Англии, а я только начинал использовать свое перо как средство к существованию. Он поседел, но был по-прежнему крепок и цветущ; тогда он жил со своей красивой молодой женой в небольшой квартире на Юнион-сквер в Нью-Йорке. Я рассказал ему, что наш старый дом ... обветшал и развалился и что из того семейного круга, о котором он вспоминал с таким теплом, остался только я. Это так его опечалило, что я достал бутылку вина, чтобы развеять нашу печаль; он отвел меня в подвальный ресторанчик на Бродвее, и мы там выпили не только эту бутылку, но и еще несколько и поужинали.

Майн Рид и Эдгар Аллан По (1809—1849), американский писатель, литературный критик

По книге Э. Рид и Ч. Коу «Жизнь и приключения капитана Майн Рида»

Во время пребывания в Филадельфии Майн Рид познакомился с Эдгаром Алланом По, и отныне этих двух людей связывала теплая

дружба. После появления несправедливой биографии покойного поэта, написанной доктором Гризвольдом, Майн Рид ... защищал своего неверно оцененного друга.

По книге Дж. Стил «Капитан Майн Рид»

Вероятно, Рид прибыл в Филадельфию осенью 1843 г., так как именно здесь он встретил Эдгара Аллана По, который переехал в Нью-Йорк 6 апреля 1844. Насколько тесной была дружба между писателями, точно неизвестно, но то, что Рид знал По, очевидно из воспоминаний племянника Томаса Коттрелла Кларка, Ховарда Пола, который был на одном из ежемесячных званых обедов у Кларка, где присутствовали По и Рид. Особенно интересно, как Пол описывает Рида на этих собраниях, так как отсюда мы получаем один из немногих портретов молодого писателя в Америке:

«Одним из его [По] близких друзей был капитан Майн Рид, и когда эти двое встречались, что бывало часто, за столом моего дяди, они обменивались мнениями и спорили самым замечательным образом. ... Майн Рид был умелым, неистощимым рассказчиком. ... По придерживался мнения, что Майн Рид проявляет богатую фантазию, когда рассказывает о собственных подвигах, и я слышал как-то вечером, как он уверял моего дядю, что Рид «колоссальный, но чрезвычайно колоритный лжец». «Он врет в удивительном масштабе, — добавил он, — но с совершенством артиста, и потому я внимательно его слушаю».

Пол также помнит, что слышал, как Рид «рассказывал с обстоятельными подробностями, что он “только что с Запада, где сражался с индейцами”, в то время как мне случилось знать, что он спокойно жил на ферме в Нью-Джерси».

Чарлз Олливант , друг Майн Рида, его личный секретарь, автор неопубликованной биографии

(о первой встрече с писателем в июле 1865 г.)

Придя на место и спросив «капитана Майн Рида», я получил ответ, что его нет дома, что он на лугу, примыкающем к деревне Джеррардз Кросс. Предпочитая свежий воздух ожиданию за закрытыми дверями, я пошел вдоль дороги и вышел на луг. Пройдя некоторое расстояние, я никого не встретил и сдался.

День был очень жаркий, я устал после пешего подъема от Аксбриджа, лег на пурпурный вереск, которым порос весь луг, прикрыл шляпой глаза и вскоре погрузился в полудремоту.

Так лежал я несколько минут и уже начал покоряться богу сна, как пришел в себя от неожиданного вопроса: «Устали, мой молодой друг?» Торопливо отбросив шляпу, я увидел стоящего рядом со мной джентльмена, одетого в легкий твидовый костюм, с поясом на талии — костюм этот известен под названием норфолькский свитер. В правой руке джентльмен держал малаккскую трость с серебряным набалдашником. Он чуть выше среднего роста, с военной осанкой, черные волосы необычно длинные, густые усы и бородка. Глаза темно-карие, нос среднего размера и прямой, рот маленький и выдающийся подбородок. В целом лицо с его решительными чертами говорило о смелости и твердости.

В этой поразительной фигуре я сразу узнал идеал моей юности — капитана Майн Рида, которого я так часто видел в воображении. Узнал по фотографии, которую он мне послал. Когда я назваля, он тепло пожал мне руку, взял за руку и повел по лугу к своему дому; по дороге он вел увлекательный разговор, который делал его столь популярным среди тех, кто имел счастье быть с ним знакомым.

Нужно ли говорить, как я был рад? К моему юношескому восторгу, исполнялось самое пылкое желание моей молодости — лично говорить с любимым писателем. И я увидел не сухого книжного червя, но практичного и доброго человека, который говорил так же, как герои его книг.

...

Майн Рид оправдал мои самые большие ожидания; это был человек, полный жизни и энергии, очень умный и сведущий, способный беседовать на любую заинтересовавшую его тему; к тому же он обладал редкой способностью проникать в характер человека и был превосходным рассказчиком.

Элизабет Рид , жена Майн Рида, автор его биографии

Писатель познакомился с будущей супругой в то время, когда ей было всего 13 лет; они поженились через два года, в 1853 г.

Первая моя встреча с будущим мужем произошла в Лондоне, где я тогда жила с тетушкой ....

Однажды вечером капитан Майн Рид оказался гостем в доме тети, а до этого памятного вечера я даже не слышала его имени. Знаменитые писатели и военные не играли до тех пор никакой роли в моей жизни. Но в тот вечер галантный капитан раз или два увидел меня и, как сам выразился, «влюбился с первого взгляда». А на меня он не произвел никакого впечатления; в тот же вечер меня спросил кто-то, еще не видевший льва: «Каков он, капитан Майн Рид?» И я ответила: «Джентльмен средних лет». И все. Мой ответ впоследствии передали Майн Риду, и его тщеславие было серьезно задето.

На следующее утро тетя сказала мне: «Капитан Майн Рид отчаянно влюбился в тебя, дитя мое! Весь вечер он только о тебе и говорил».

На что я ответила: «Можешь сказать капитану Майн Риду, что я в него не влюбилась».

...

Моя тетя собиралась вторично выйти замуж ... и переехать в отдаленный район Лондона. Незадолго до нашего переселения однажды вечером Майн Рид заехал попрощаться, потому что он отправлялся в Париж.

...

Когда Майн Рид вернулся из Парижа, он не смог найти мою тетю, и они больше не возобновляли знакомство. Поэтому у него не было сведений обо мне, тем более что после вторичного замужества тети я от нее уехала и жила в деревне со своим отцом.

С нашего расставания в Лондоне прошло два года ....

Я присутствовала в Зале Механики, где происходил митинг; со мной были отец и несколько друзей. Как только капитан Рид вошел в зал, по моему телу словно пробежало электричество. Меня как будто подхватила невидимая рука. Ни слова не сказав друзьям, я сразу пошла туда, куда направился он. Там, в конце зала, находилась платформа, на которой стоял выступающий и сидели несколько леди и джентльменов. Майн Рид занял свое место на платформе, я тоже села против него. Мы еще не обменялись ни одним словом, но весь вечер смотрели друг на друга.

Все было как во сне. Подо мной море лиц, но я никого не видела. Не помню ни слова из произнесенных речей!

Наконец, уже почти в полночь, все кончилось. Аудитория быстро расходилась, огни гасили. Несколько человек задержались у платформы, чтобы поздравить выступавших и обменяться с ними рукопожатиями. Вокруг капитана Рида собралось много людей. Я могла присоединиться к ним — нас разделяло всего несколько футов, — но что-то удержало меня.

Теперь совсем стемнело, все покидали платформу. Я краем взгляда увидела отца, торопливо шедшего ко мне, видела также двух джентльменов, явно ждавших капитана, который по-прежнему с кем-то оживленно разговаривал.

Казалось, мы снова расстаемся. В этот момент капитан Рид подошел ко мне, сжал мою руку, и я услышала его торопливые слова:

— Я уезжаю в Лондон следующим поездом. Пришлите мне ваш адрес.

Дар речи покинул меня, но я сразу подумала о том, что не знаю его адреса, и умудрилась выговорить:

— Не знаю куда.

Он мгновенно дал мне свою карточку и исчез. ...

Проснувшись на следующее утро, я вскочила, чтобы проверить, на месте ли карточка. ... Еще до завтрака я написала и отправила на почту короткую записку:

«По вашей вчерашней просьбе посылаю вам свой адрес».

Когда почта вернулась, я получила такой ответ:

«... скажите только, что вы меня любите, и я немедленно буду с вами».

На что я ответила:

«Мне кажется, я вас люблю».

Получив мой ответ, капитан Рид сразу сел в экспресс и быстро покрыл разделявшие нас сто пятьдесят миль. Он рассказал мне, что, когда два года назад мы расставались в Лондоне, он решил, что не сможет заставить меня полюбить его; но он не смог и забыть меня и, вопреки всем препятствиям, сохранял уверенность в том, что я буду принадлежать ему.

Отец неохотно дал согласие на наш брак; тогда же договорились о его времени. Я помню, что сказала отцу: я выйду за капитана Рида, даже если отец не даст согласия. Но отец всегда мне доверял и отличался мягким характером, поэтому он согласился.

Последнее письмо моего жениха гласило:

«Скоро я назову тебя своей и загляну в твои прекрасные глаза. Твоя любовь опускается на мое сердце, как роса на увядший лист. Я старею и становлюсь пресыщенным; боюсь, что твоя любовь ко мне — только

романтика и не сможет сохраниться, когда ты узнаешь меня лучше. Сможешь ли ты любить меня в халате и шлепанцах?»

***

После женитьбы Майн Рида происходило много забавных инцидентов, связанных с его «женой-ребенком», как называл ее супруг. Однажды писатель вместе с женой выбирал для нее шляпку в одной из модных лавок на Риджент-стрит. Шляпница несколько раз обратилась к миссис Рид, называя ее «мисс». Несколько раздраженный, муж ее наконец сердито воскликнул:

— Эта леди моя жена!

Шляпница очень удивилась и ответила:

— Прошу прощения, сэр; я подумала, что юная леди возвращается в школу и вы выбираете для нее шляпку.

...

Иногда окружающие считали, что миссис Рид не имеет никакого отношения к капитану, и тогда она слышала всевозможные слухи о знаменитом писателе; потом, к его удовольствию, она пересказывала их мужу.

У. Х. Бейтс , *помощник секретаря Королевского географического общества, автор книги «Натуралист на Амазонке»*

За все время нашего знакомства капитан Рид производил на меня впечатление человека, глубоко интересующегося естественной историей, и это было постоянной темой большинства наших бесед.

Если бы обстоятельства молодости обратили его в этом направлении, он стал бы выдающимся натуралистом.

Джаред Харрисон , нью-йоркский адвокат

(о встрече с Ридом в 1880 г.; писателю 62 года)

Он был человеком приятной, интеллигентной внешности, передвигался с большим трудом, опираясь на костыли, из-за инвалидности, причиной которой было ранение, полученное им на Мексиканской войне, но в какой битве, я уже забыл. Он был по-американски несдержан в чувствах, и с развитием нашего знакомства я узнал о многих эпизодах его последующей жизни.

Мальтус Квестелл Холиоук , автор статьи «Капитан Майн Рид: солдат и романист» (1891)

[Майн Рид] с одинаковой легкостью в бою и в литературе достиг международной репутации блестящего романиста и доблестного солдата, ему принадлежит двойная заслуга сделать себя ... «славным своим пером и знаменитым своим мечом».

Дэвид Ливингстон (1813—1873), шотландский миссионер, выдающийся исследователь Африки

Читатели романов Майн Рида — это как раз те, из кого получают путешественники.

«Ранчо» Майн Рида

По книге Э. Рид и Ч. Коу «Жизнь и приключения капитана Майн Рида»

В 1866 году на своей земле Майн Рид завершил строительство дома, по стилю напоминавшего мексиканскую *хасьенду*. Этот дом, так контрастировавший с окружающими жилищами, он назвал «Ранчо» — так же назывался и его предыдущий дом. Он говорил, что местные жители не смогут произносить настоящее название — *хасьенда*.

...

Майн Рид сам делал для себя кирпич, нанимая для этого рабочих. Он также сам был архитектором своего дома. Во время строительства «Ранчо» он ежедневно вставал в шесть, чтобы присмотреть за работами; и горе тому рабочему, кто небрежно относился к своим обязанностям. Голос писателя разносился далеко; можно было подумать, что он снова штурмует Чапультепек[1] или что отряд вставших на тропу войны индейцев напал на мирную деревню! Без преувеличений можно сказать, что в такие минуты его трубный голос можно было слышать за милю.

Чарлз Олливант *о своих первых впечатлениях о доме*

Дом, видимый с удаления, представлял собой необыкновенно живописное зрелище, не похожее на то, что можно увидеть в Англии. Как и сторожки, он был серо-белым, покрытым цементом, и представлял собой двухэтажный квадрат. Крыша плоская и со всех сторон окружена балюстрадой, изготовленной из цемента по чертежу самого Майн Рида. В центре небольшой купол с дверцей; через него по спиральной лестнице можно было подняться из дома на крышу. С двух концов крыши невысокие башенки, тоже окруженные балюстрадами, но меньшего размера, чем та, что окружала всю крышу дома. В сущности башенки представляли собой дом в миниатюре.

Бросалось в глаза отсутствие уродливых наростов — каминных труб. Майн Рид рассказывал мне, что когда дом строился, соседи шутливо говорили, что хозяин собирается сам поглощать дым своих печей. Загадка разрешилась только после окончания строительства; по

поднимавшемуся дыму заключили, для чего предназначались эти красивые башенки: они и служили каминными трубами...

Особенности и чудачества

По книге Э. Рид и Ч. Коу «Жизнь и приключения капитана Майн Рида»

***

Майн Рид с молодости проявлял воинственность и боевой дух; в сущности это был прирожденный солдат. Еще совсем маленьким мальчиком, к отчаянию матери, он босиком, с непокрытой головой бегал за отрядами, идущими под барабан и дудку. Когда однажды по такому случаю мать разбранила его, сказав: «Что подумают люди, когда увидят, что сын мистера Рида так себя ведет?», мальчик ответил: «Мне все равно, что обо мне подумают; я бы предпочел быть не мистером Ридом, а мистером Драмом» (*англ. drum — барабан*).

***

Майн Рид не умел рисовать, но у него была привычка делать в рукописях странные наброски, которые должны были представлять описываемые предметы. Впрочем, никому, кроме него самого, эти рисунки ничего не говорили.

Писал он не совсем обычно. Редко сидел за столом, но полулежал на диване в халате и шлепанцах, с переносной доской для письма, укрыв мехом колени — даже в самую жару, зажав в зубах сигару, которая постоянно гасла и тут же раскуривалась снова; при этом пол вокруг

был заброшен обгоревшими спичками. Позже халат сменил просторный норфолькский свитер, связанный из шерсти принадлежавших писателю овец; а писал он, сидя в кресле у окна, с импровизированным письменным столом на коленях; на этом «столе» даже ночью стояла пара свечей и лежала обязательная сигара со спичками.

У него была привычка читать в постели; так при свете стоявшей на подушке свечи он читал газеты и рукописи. Несколько десятков раз утром обнаруживали сгоревшие дотла бумаги и черный пепел вокруг, но ни сам Майн Рид, ни постельное белье не были обожжены. Неудивительно, что друзья считали его жизнь заколдованной!

***

Капитан обладал слабостью к украшениям, так что его даже можно было обвинить в щегольстве. Он часто говорил: «Мое тщеславие никогда не умрет», и действительно сохранил это качество до самого конца.

Иногда деревенские соседи бывали поражены внешностью писателя, когда он появлялся на своих землях в великолепном костюме из алого бархата с соответствующей шляпой; в другом случае он прогуливался по Джеррарз Кроссу в костюме с Бонд-стрит по самой последней моде, или натягивал норфолькский свитер, или надевал на голову мексиканское сомбреро. Его можно было увидеть скачущим на черной лошади, с военным седлом и с тигровой шкурой, наброшенной на круп. Эксцентричные поступки капитана Майн Рида служили постоянной темой разговоров соседей.

***

Майн Рид написал интересную и широко цитируемую статью ..., посвященную лучшим цветам для летней и зимней одежды. В противоположность существующему мнению, он утверждал, что для лета самый прохладный цвет черный, а для зимы самый теплый — белый. Он заявил, что «всеобщее мнение — одна из тех ошибок прошлого, которые до сих пор избегают научного анализа». На эту тему впоследствии был написан еще ряд статей, вызвавших многочисленные ответные высказывания.

Майн Рид первым публично бросил вызов старой теории, объявляя ее ошибочной. Это он сделал десять лет назад в статье в своем журнале «Вперед». Некоторые соглашались с автором статьи, другие возражали. С тех пор ученые в целом признали справедливость его утверждений.

По книге С. Р. Батлера «Вдаль по волнам»

В 1839 г. Майн Рид отправился из родной Ирландии в Северную Америку

Перед отъездом родственники Рида снабдили его скромным запасом одежды, не слишком тяжелым кошельком и запасом еды, достаточным для путешествия, которое будет зависеть от погодных условий. Он также получил рекомендательные письма, написанные друзьями его отца, к влиятельным гражданам «Города-полумесяца» (Новый Орлеан). Когда во время путешествия, которое длилось почти месяц, он узнал, что на борту судна есть несколько молодых людей из той же местности с такими же письмами из того же источника, разочарованный юноша вышел из себя. «Не нуждаясь в услугах, сделанных без разбора», он пошел на корму судна, где разорвал оскорбительные листы бумаги на клочки и бросил их за борт, с горечью наблюдая, как они кружились на ветру и опускались на воду .... После этого он присоединился к другим пассажирам «с удовлетворенной улыбкой на лице».

Майн Рид на войне

В 1846—1848 гг. Майн Рид принимал участие в американо-мексиканской войне, которую он считал справедливой, поскольку осуждал владычество испанцев в Америке и поддерживал расширение власти Соединенных Штатов. Лейтенант Рид сыграл важную роль в битве за мексиканскую крепость Чапультепек — он в решающий момент повел в битву солдат, и хотя сам был сразу же тяжело ранен и не смог попасть на стены крепости, именно его солдаты первыми установили на ней американский флаг. Оправившись от ранения, в 1848 г. Майн Рид ушел в отставку в звании капитана. И свои книги автор подписывал «Капитан Майн Рид», не используя свое первое имя Томас.

Воспоминания сослуживцев

По книге Э. Рид и Ч. Коу «Жизнь и приключения капитана Майн Рида»

Лейтенант Тео Д. Кокрейн (20 мая 1849 г.)

...В десяти ярдах от меня упали от ран пехотный офицер и офицер или сержант артиллерии, судя по полоскам на брюках. ...

Я приказал двум своим солдатам вернуться немного назад, чтобы помочь подносить лестницы по холму. Выполняя мой приказ, они миновали место, где лежал упомянутый мной пехотный офицер; он с явной болью приподнялся и закричал, перекрикивая гул и выстрелы из мушкетов:

— Ради Бога, солдаты, не оставляйте стену, иначе нас всех разорвут на куски. Держитесь, и замок будет наш!

Таковы или почти таковы были его слова.

Я сразу отозвался от стены:

— Капитан, не опасайтесь, мы этого не сделаем.

Вскоре после этого прибыли лестницы, мы начали штурм и захватили замок.

Во время нашего пребывания в Мехико в одной из бесед зашла речь об этом эпизоде, и раненый офицер оказался лейтенантом Майн Ридом, из полка нью-йоркских добровольцев; он получил приказ охранять батарею на равнине и присоединился к отряду, штурмовавшему замок со стороны Молино дель Рей.

Генерал-майор Дж. Ф. Китман (29 сентября 1874 г.)

Следует отметить два отряда из числа находившихся под моей командой и до сих пор не упомянутых. Капитан Галлагер и лейтенант Рид, которые утром 12 получили приказ генерала Шилдса поддержать нашу артиллерию, отлично справились с задачей. Первый из них по приказу капитана Хагера оставался на батарее во время штурма Чапультепека. Второй, храбрый и энергичный молодой офицер, получил разрешение уйти с батареи и штурмовать замок; он участвовал в штурме, первым добрался до вершины холма и был там тяжело ранен... Отважные нью-йоркские добровольцы справедливо гордятся тем, что их флаг первым оказался на укреплениях Чапультепека.

Бригадный генерал Шилдс (25 сентября 1874 г.)

Флаг отряда нью-йоркских добровольцев под командованием смелого молодого офицера лейтенанта Рида был в числе первых на укреплениях замка и продемонстрировал, к восторгу всей армии, звезды и полосы.

Лейтенант Эдвард С. Маршалл

Я командовал своей группой ..., нам было приказано атаковать Чапультепек. Под прикрытием деревьев и скал мы подобрались к основанию холма, на котором стоит замок, и остановились в ожидании штурмовых лестниц. В этом месте огонь из замка был такой сильный и смертоносный, что мои люди дрогнули; несколько офицеров, призывавших их продвинуться вперед, были ранены. В этот момент я увидел лейтенанта Рида, из полка нью-йоркских добровольцев. Я хорошо его разглядел, потому что на нем был яркий мундир.

Неожиданно он вскочил, призвал своих людей идти за собой и, не оглядываясь, не проверяя, послушались его или нет, почти в одиночку принялся подниматься по холму к самим стенам, у которых упал тяжело раненный; все без исключения офицеры, которые это видели, провозгласили его поступок самым храбрым за всю кампанию; все мы были намерены, когда позволит время и обстоятельства, воздать ему по справедливости. Я уверен, что именно этот смелый поступок и позволил нам захватить замок. И это не было делом слепой храбрости, но хладнокровным актом в самом центре опасности. По звукам стрельбы лейтенант Рид понял, что замок плохо оборудован артиллерией с боков; он знал, что если его солдаты окажутся под самыми стенами, они будут почти в равных условиях с обороняющимися. И, что делает его поступок особенно выдающимся, лейтенанту Риду не приказывали атаковать, он предпринял это нападение по собственной инициативе.

***

После взятия Чапультепека Майн Рида обнаружили в канаве у стены замка. Его немедленно предоставили заботе армейских хирургов, а позже, после захвата города Мехико, поместили в больницу в этом городе. Здесь он провел много долгих недель.

...

В Соединенные Штаты сообщили, что лейтенант Рид умер от полученных ран. Это сообщение достигло и семейства в Ирландии, которое, наряду с другими, оплакивало свою потерю, пока не пришло противоположное радостное известие.

(Майн Рид из-за последствий своего ранения и позже не раз был на волосок от смерти. Близкие оплакивали его, начиналась подготовка к похоронам и в газетах появлялись некрологи. Но писатель снова возвращался к жизни и активной деятельности, хотя в последние годы был вынужден передвигаться на костылях. По рассказу жены Элизабет, однажды, когда Майн Рид лежал, как все думали, на смертном одре, он поднялся и крикнул, указывая на сестер: «Прогоните этих дьяволиц, которые говорят священнику, что я умру! Я не умру. Принесите мне бифштекс».)

***

Храбрый капитан прославился не только на войне, но и в любви, и некоторые прекрасные мексиканки называли его «Дон Хуан Тенорио», по имени персонажа одной из их любимых пьес. Американский журналист описывает смелого офицера как «смесь Адониса с Аполлоном Бельведерским, да еще с примесью кентавра!»

Вполне вероятно, что не одна черноглазая сеньорита со слезами смотрела вслед уезжающему из Мехико герою.

***

Лейтенант Майн Рид командовал группой Б (гренадеры) нью-йоркского полка. В группе были два немца: один храбрец, сражавшийся, как тигр, во время всего кровавого сражения у хасьенды Лос Порталес; второй, трусливый мошенник, утром скрылся из рядов и занялся грабежом мексиканской хасьенды.

На следующее утро после сражения лейтенант приехал в расположение своего отряда и заметил этих двух солдат за утренним туалетом. Первый тщетно пытался натянуть пару панталон, которые в сражении были буквально у него на ногах разорваны пулями; а второй с удовольствием разглядывал элегантную пару казимировых брюк, которые накануне украл у какого-то несчастного мексиканского джентльмена и которые вполне подошли ему.

Лейтенант, знавший о том, как оба вели себя накануне, приказал им поменяться брюками. Процесс раздевания, обмена и нового одевания собрал большую толпу солдат, которые были так довольны проявленной справедливостью, что приветственные крики звучали по всей хасьенде, и один из солдат, хромавший на деревянной ноге, сказал, что это лучшее, что случилось с ним за время всей кампании.

Американская и британская пресса XIX — начала XX века о Майн Риде

«Nashville American» (о Майн Риде в то время, когда он жил в городе Нэшвилл, штат Теннесси, в 1840 г., где работал учителем, а позже открыл собственную школу)

Не старше двадцати пяти лет, отличного телосложения, пяти футов десяти дюймов ростом; с лицом классических очертаний, не полным, но запоминающимся; такое лицо производило впечатление на всех, кто его знал. В разговорах он всегда был интересным собеседником и отличался приятными манерами. Очень любил поэзию и часто, отдыхая на берегах ручья Ричленд или засидевшись допоздна в дружеском кругу, читал спутникам наизусть любимых поэтов.

Во время своего руководства школой он пользовался большой популярностью. Очень любил ездить верхом и владел отличной лошастью, на которой ездил очень смело. Безрассудность его характера показывает такой случай. Рассказывают, его с трудом отговорили от спуска в неисследованные пещеры на реке Харпет, в двенадцати милях от города; его удержало только то, что никто из спутников не согласился разделить с ним опасности. Он любил свое окружение и местных жителей. И эта любовь была взаимной, и до сегодняшнего дня о нем сохраняются самые добрые воспоминания.

«Inter Ocean» (Чикаго, штат Иллинойс; через несколько дней после смерти Майн Рида)

Его книги будут радовать мальчиков, девочек и заинтересованных родителей, пока рассказам о приключениях и путешествиях, о романтике и героизме, о правде и преданности будет позволено занимать почетное место в домашних библиотеках... Все мальчики и девочки, читавшие Майн Рида, получили нечто, достойное сохранения на протяжении всей жизни; и никогда со страниц его книг не усваивались вредные познания.

«New York Herald» (о смерти писателя)

Весьма примечательны глубокие и обширные познания натуральной истории, которые проявляются во всех его книгах... Можно без

всякого опасения предсказать, что его произведения пятьдесят лет спустя будут так же популярны, как в наши дни.

«Times» (Лондон, 24 октября 1883 г.)

Одних названий этих книг достаточно, чтобы взбудоражить кровь. «Охотники за скальпами», «Всадник без головы», «Белый вождь» — какую перспективу приключений, тайн и дикого героизма они открывают перед нами! В этих книгах есть такое восхитительное пренебрежение к ограничениям времени и пространства, такое презрение к обычному земному правдоподобию, такое безошибочное чутье великолепно абсурдного...

«Spectator» (британский журнал, 27 октября 1883 г.)

Майн Рид обладал одной очень редкой и достойной внимания литературной способностью. Он умел создать атмосферу так, как это делали очень немногие, но величайшие рассказчики. Персонажи могли быть жалкими, рассказ — путаницей кошмаров, а сюжет совершенно невнятным, но читатель все время ... осознавал пребывание под новым небом, жизнь среди странной архитектуры, присутствие темнокожих туземцев .... Капитан Майн Рид ... мог, когда писал, перенестись в страну, которую он любил, собственноручно, увидеть ее и ее народ с помощью своей памяти. ... Результатом является совершенная иллюзия ..., и хотя мы удивляемся, почему люди действуют таким глупым образом, мы никогда не устаем, как чужестранцы, наблюдать непривычный и волнующий пейзаж.

«New York Times» (письмо читателя Джона Норкрасса, опубликованное 11 ноября 1905 г.)

«Белый вождь» — это жуткая история об испанской жадности, жестокости и плохом руководстве, которые привели к гибели селения на территории, где сейчас находится Нью-Мексико, но которая тогда

составляла часть испанской провинции Техас. За ужасной историей, несомненно, стоит прочная фактическая основа, ведь такие разрушенные города, оставленные их бывшими жителями, были открыты, и живое воображение могло легко развить хороший рассказ, если только место и действие были достаточно удалены от времени телеграфов и развитых дорог. В рассказах капитана Рида больше фактов, чем представляют его читатели.

Память о Майн Рида и судьба его произведений

Чеслав Милош (1911—2004), польский поэт, переводчик, эссеист

Майн Рид, пожалуй, нигде так не распалял воображение юных читателей, как в России, и нигде больше поколения ребят не хранили такой верности любимому писателю школьных лет, став взрослыми. Сегодня Майн Рид принадлежит к довольно редкой разновидности писателей, слава которых, бесследно померкнув там, где их могут читать в оригинале, так или иначе держится только благодаря переводам.

Мне было лет десять, когда я наткнулся на сундучок отцовских сокровищ, собранных им в гимназические годы. Он был набит томиком Майн Рида в русских переводах. Сражаясь с алфавитом, я читал подписи под картинками, это была моя первая русскоязычная книга. Но в России дело вовсе не ограничилось бесчисленными дореволюционными изданиями. Американские знакомые рассказывали мне, с каким замешательством они в недавнем московском разговоре — речь зашла о переводах с английского — узнали о невероятных тиражах книг Майн Рида. Они этого имени даже не слышали. Трудно их за это упрекать: в англосаксонских странах литература для юношества настолько богата, что Майн Рид, конечно же, оказался заслонен потомками, основательно забыт, и теперь, пожалуй, лишь самые солидные энциклопедии посвящают ему несколько убористых строк.

***

Я рискнул заговорить о Майн Риде по особой причине. Он околдовывал не только русских, но и польских читателей, и я помню себя, бредущего из библиотеки вверх по виленской улице Мала Погулянка с книгой Рида под мышкой: рукав перехваченного ремнем кожушка, серый зимний день, по середине улицы, лежа на животе и правя ногой, как рулем, несутся вниз на санках ребята. Такие подробности обычно западают в память, если минуты, когда ими живешь, окрашены сильным чувством. От груза под мышкой сладко замирало сердце: это был заветный клад.

***

Думаю, Майн Рид привил новый — я бы сказал, более пристальный — взгляд на природу. Для его юных почитателей природа переставала служить собранием антропоморфных картин или предлогом для неопределенно-пантеистических откровений. Его мания сопровождать каждое название животного или растения их латинским именем в скобках, забота о скрупулезном описании климата и обстановки, среди которых протекает действие, разительно отличались от расхожих образцов и учили вниманию.

***

Окончив политехнический институт — это было перед самой мировой войной, — мой отец отправился на Енисей и проделал там немалый

путь от Саян до Ледовитого океана. Секрет того путешествия мне приоткрыло содержимое его сундучка школьных лет. ... Майн Рид стал проводником экспедиций в экзотическую азиатскую Россию.

Джоан Стил , американский литературовед, автор книги «Капитан Майн Рид» (1978)

Об успехе Рида в его время свидетельствует то, что такой писатель, как Роберт Льюис Стивенсон, начал собственные попытки в беллетристике с имитации Рида, который был любимым писателем его юности.

Стивен Рэй Батлер , современный американский исследователь жизни и творчества Майн Рида

Хотя его творчество в наше время неизвестно, популярность Рида сохранялась несколько десятилетий после его смерти. До Второй мировой войны издательства и США, и Великобритании продолжали снабжать книжные магазины его самыми популярными книгами. Даже при жизни Рида некоторые из них ... были переведены на французский, немецкий, испанский, итальянский, русский и другие европейские языки. Стоит отметить, что у Рида до сих пор много приверженцев в русскоговорящих частях бывшего Советского Союза, где, вероятно, даже в самые мрачные дни холодной войны его рассказы об американском Юго-Западе были чрезвычайно популярными.

***

Один из способов определить степень популярности знаменитого человека — сосчитать количество детей, названных в его честь. В 1870 г. во всех Соединенных Штатах было шесть мужчин по имени Майн.

Через десять лет (и за три года до смерти Рида) их было 44. К 1900 г. это число возросло до 108! Популярность имени достигла своей вершины в 1920 г., когда не меньше 179 американских мальчиков получили имя Майн. К 1930 г. ... количество Майнов в Соединенных Штатах снизилось до 17. Почти без сомнений можно сказать, что возрастание популярности имени не случайно совпадает с взрослением многих мальчиков — читателей Рида, которые создавали семьи в конце XIX — начале XX века. И наоборот, ее снижение совпадает с уменьшением его популярности. К сожалению, цифры для Великобритании установить труднее.

***

Когда Рид был на вершине своей популярности, многие юные читатели присылали ему то, что сегодня назвали бы «письмами фанатов». Без сомнения, эти восхищенные юноши представляли капитана таким же смелым и дерзким, как некоторые герои его романов — таким, каким он действительно был.

***

Одной из главных целей моей поездки [в Англию] было посещение деревни Джерардз Кросс, где Рид прожил более десяти лет, а также соседней Чалфонт Сент Питер. ... Ранчо оставалось открытой территорией, обозначенной ... на картах как «Ранчо». Я знал, что дом был разрушен около 1890 г., но все равно хотел увидеть местность, где он был расположен. Как и следовало ожидать, там особенно не на что было смотреть — только деревья и изгородь с запертой калиткой, которая не позволила нам по-настоящему ступить на эту землю. Тем не менее было довольно волнующе стоять там и представлять, как более

ста лет назад писатель гуляет по владениям рука об руку с женой или едет на своем коне через разрушенные теперь ворота.

Деревня Джерардз Кросс, расположенная лишь на небольшом расстоянии от территории «Ранчо» Рида, значительно разрослась с середины XIX столетия, хотя до сих пор сохраняет свое деревенское очарование. ...

Чалфонт Сент Питер, недалеко от Джерардз Кросс, — небольшая деревня в Букингемшире, самым известным жителем которой был Джон Мильтон. Там я надеялся взглянуть на нечто совершенно уникальное — остатки принадлежавшей Риду кровати с пологом, проданной на аукционе в 1867 г., которые сейчас используются как подпорка для крыльца местной жительницы! Благодаря услужливому сотруднику Дома Мильтона ... и рисунку крыльца, который я нашел в книге, мы обнаружили необычное крыльцо почти сразу. Хотя мы прибыли без предупреждения, хозяйка дома оказала нам радушный прием, пригласив в дом для беседы и позволив мне сфотографировать ее имущество. Я с удивлением узнал, что до моего приезда она ошибочно полагала, что подпорки ее крыльца взяты скорее с кровати капитана Джеймса Кука, чем капитана Майн Рида!

Особенности творчества писателя и романа «Белый вождь»

**Роман Михайлович Самарин (1911—1974), советский
литературовед**

*Из вступительной статьи к изданию собрания сочинений 1956—1958
гг.*

Его книги привлекали и привлекают своей романтикой. Это — романтика борьбы за правое дело, романтика подвига во имя высокой идеи, романтика мужественного преодоления препятствий, которые воздвигают люди и природа на пути отважного героя. Романтичны их

характеры; романтична необыкновенная природа Америки, Африки, Гималаев, описанная с любовью и знанием дела; романтична и манера повествования, богатая красочными описаниями, напряженными диалогами, неожиданным развитием увлекательного сюжета.

***

Причину прочной популярности лучших романов Майн Рида надо искать в душе его книг, в общем их характере. Когда пытаешься определить впечатление, которое остается от книг Майн Рида, вместе взятых, то прежде всего думаешь о его героях. Эти смелые и скромные люди умеют пролагать свою трудную жизненную дорогу среди множества опасностей, оставаясь безукоризненно честными, безупречными во всем. Моральный облик героев Майн Рида, несмотря на их некоторую однотипность и условность, очень привлекателен. Они покоряют юные сердца своими прекрасными человеческими качествами, своей отзывчивостью, справедливостью, гуманностью.

У героев Майн Рида много врагов. Это прежде всего злодеи и негодяи, которых эти герои разоблачают и наказывают. Но им приходится бороться и со стихиями, с грозными силами природы, с миром хищных животных, все еще очень опасных для человека начала прошлого столетия, — ведь он был так плохо вооружен, так несовершенны были его способы передвижения. Не случайно собака и лошадь — верные друзья героев Майн Рида: он жил в мире, где еще не было неисчерпаемого богатства машинной техники, сказочно умножающей силы человека.

Заброшенный в бескрайние просторы пустынь, степей и подавляющих своим величием водных пространств, в дикие горы, герой Майн Рида готов прийти на помощь тому, кто в нем нуждается, даже ценою жизни. Он деятелен, он находится в постоянной борьбе с грозящими ему враждебными силами — и он их побеждает прямыми и честными средствами.

Джоан Стил , американский литературовед, автор книги «Капитан Майн Рид» (1978)

Творчество Рида особенно интересно своим расхождением с нормами популярной литературы девятнадцатого века. Рид отличается от большинства британских писателей того времени с их консервативными политическими взглядами и традиционным отношением к женщинам и экзотическим или угнетенным народам. Однако Рид был радикальным республиканцем, всегда поддерживавшим демократические, если не анархические принципы. Это проявляется в его описаниях женщин, играющих независимую роль в обществе, и в его утверждении ценностей свободы для всех рас и национальностей — особенно угнетенных. Современный читатель замечает (среди обычных для приключенческого рассказа стереотипов) действительно оригинальных персонажей, борющихся за освобождение как от литературных, так и от социальных ограничений того периода.

***

Роман «Белый вождь» — одно из немногих неавтобиографических произведений в наследии Майн Рида. ... «Белый вождь» содержит под поверхностью по сути политическую тему. Все внешние детали — индейская племенная война; антимексиканские предубеждения и антикатолицизм ..., а также байронический герой ... — призваны донести определенное послание: «предначертание судьбы» («*Manifest Destiny*» — популярная в XIX веке доктрина, согласно которой Соединенные Штаты имели право и обязанность распространять свою власть на территории Североамериканского континента).

...

«Белый вождь» — первый роман, в котором Рид достигает эффекта отдаленности, используя вставной рассказ. Все действие происходит более ста лет назад, когда там, где сейчас только руины заброшенной мексиканской деревни остались среди дикого величия природы, существовала цивилизация, и указывает на «легенду Сан-Ильдефонсо».

***

Были открыты разрушенные города, подобные Сан-Ильдефонсо, и Рид использовал действительность для собственных целей. Он создал идеального героя, который служил и его собственным фантазиям, и его искренней вере в ценность американской цивилизации, и рядом с ним он расположил сильную женщину. Разрушение Сан-Ильдефонсо должно представлять падение испанского владычества на континенте.

Литература

Милош Ч. О Томасе Майн Риде / Пер. с польского Б. Дубина // <http://lib.misto.kiev.ua/MAJNRID/milosh.txt>

Рид Э., Коу Ч. Жизнь и приключения капитана Майн Рида / Пер. Д. Арсеньева // <http://lib.rus.ec/b/118118/read>

Самарин Р. М. Капитан Майн Рид // Майн Рид. Сочинения. — Т. 1. — М.: Детгиз, 1956. — С. 3—31.

Butler S. R. *Away o'er the waves: The transatlantic life and literature of Captain Mayne Reid.* — Arlington, 2006. — 747 p.

Harrison J. F. Mayne Reid. An episode in his later life recalled by one who knew him // *New York Times*. — 1905. — December 1.

Holyoake M. Q. Captain Mayne Reid: Soldier and Novelist // *Strand Magazine*. — London, 1891. — Vol. II: July to December. — P. 93—102.

Norcross J. E. Some remembrances of an admirer of Capt. Mayne Reid // *New York Times*. — 1905. — November 11.

Steele J. Captain Mayne Reid. — Boston: Twayne Publishers, 1978. — 149 p.

Белый вождь

Глава I

Вступление Сьерра-Бланка. — Великая Степь. — Долина Сан-Ильдефонсо

Все, о чем здесь будет рассказано, произошло в центральной части Американского материка, более чем за четыреста миль от берегов обоих океанов.

Давайте вместе со мной поднимемся на эту гору и с ее покрытой снегом вершины посмотрим вокруг.

Вот мы уже достигли самого высокого гребня. Какая же картина открывается перед нами?

На севере снова горы через тридцать параллелей тянутся до самых берегов Северного Ледовитого океана. На юге тоже возвышаются горы, то поодиночке, на расстоянии друг от друга, то объединившиеся в живописные группы, порой сплетаясь внутри. На западе опять громоздятся горы, четкие профили которых вырисовываются в небе, а между основаниями, у подножий, виднеются в виде широких площадок многочисленные плоскогорья.

Обратимся же теперь к востоку. Здесь нет гор, и, куда только в состоянии проникнуть наши взоры, не заметно ни одной горной вершины! Ни одной — на тысячи миль! Темная линия на горизонте, протянувшаяся над равниной, — не более, как скалистый край другого плоскогорья, такой же равнины, только несколько более приподнятый выше, чем уровень моря.

Где же мы очутились? На какой вершине? Мы находимся на вершине Сьерры-Бланки, получившей такое название потому, что три четверти года она покрыта снегом. Охотники называют ее «Испанский пик». Перед нами западная граница Великих Равнин.

На востоке не заметно ни малейших следов цивилизации. Можно, не встретив их, проехать целый месяц в этом направлении. На севере, на юге — одни только горы, которых никогда не касалась нога или рука человека. Но к западу картина совершенно другая. С помощью подзорной трубы мы видим вдалеке обработанные поля, протянувшиеся вдоль берегов реки, сверкающей на солнце. Это поселения Новой Мексики, оазис, орошаемый водами Рио-дель-Норте.

Но не эта страна нас занимает — события, описанные далее, произошли не здесь.

Обратимся снова на восток, и мы увидим то место, где развернутся действия, описанные в нашем рассказе. У подножия Сьерры-Бланки, где мы теперь стоим, начинается плоскогорье, границы которого сливаются с восточным горизонтом. Здесь нет предгорий; с его круглых, поросших соснами склонов мы спускаемся прямо на гладкую почву равнины.

Равнина эта отнюдь не однообразна: там и сям образует ярко-зеленые лужайки разросшаяся высокая густая трава, называемая в ботанике *chondrosium fanium*; однако большая ее часть напоминает бесплодную пустыню Сахару. Местами темнеют бурые участки выжженной солнцем земли, без единой травинки, местами желтеют пески; кое-где дальше соль, проступая сквозь землю, белеет подобно снегу, хрустящему у нас под ногами.

Тощие растения, прозябающие в этой дикой местности, не одевают землю зеленым нарядом. Вы видите агаву, мексиканские алоэ с листьями, испещренными багряными полосками, и тусклую зелень кактусов, которая выглядит еще более безжизненной и мрачной из-за их бесчисленных колючек. Острые стебли юкки, покрытые пылью, похожи на связки штыков, до половины изъеденных ржавчиной. Приземистые чахлые акации дают так мало тени, что под ней могут

спрятаться лишь гремучие змеи да отвратительные огромные темные ящерицы. В промежутках малорослая пальма со стволом, лишенным ветвей, развертывает свое опахало из лапчатых листьев, придавая пейзажу африканский характер. Взор очень скоро утомляется при виде местности, на которой все растения: деревья, кусты, трава и даже мелкие травинки — имеют угловатые формы и кажутся колючими.

С каким наслаждением мы смотрим на чудесную веселую долину, скрывающуюся к востоку от подножия Сьерры-Бланки. Какая противоположность между этой дикой местностью и долиной, густая зелень которой, подобно богатому ковру, испещрена яркими цветами. Они сверкают в траве, как драгоценные камни, а серебристый тополь, зеленый дуб, дикое хинное дерево и кудрявая верба, сплетающие свои ветви в густой тенистой роще, словно приглашают вас под свои ветвистые своды. Нам следует спуститься к ним.

Вот мы и у края плоскогорья, но цель нашего путешествия — долина — все еще далеко внизу, дальше, по крайней мере, на милю ниже. Однако с выступа вроде мыса, нависающего над долиной, прекрасно видна вся она на многие мили.

Как и плоскогорье, лежащее выше, она тоже плоская: если смотреть на нее сверху, то кажется, что земная кора раздвинулась и часть плоскогорья соскользнула вниз, в самые истоки животворной силы земли, до которых не дотянуться высокому плоскогорью.

С обеих сторон долины многочисленные отвесные скалы виднеются на большом расстоянии; они имеют крутые высокие уступы, практически неприступны; взобраться по ним можно только в некоторых местах.

Ширина долины составляет, может быть, миль десять, а окружают ее весьма крутые каменные стены одинаковой высоты, точь-в-точь похожие друг на друга и имеющие лишь несколько спусков. Мрачные, жутковатые, они служат контрастом прелестной, сияющей долине, в них заключенной, и напоминают великолепную картину, помещенную в простую, грубую раму.

Река, перерезающая эту долину, делит ее пополам: она не течет по прямой линии, а серебристой змейкой извивается то в одну, то в другую сторону, делая причудливые многочисленные обороты, как бы страшась минуты, когда должна будет покинуть это очаровательное место. Берега ее окружены лесом, но не везде одинаково: здесь ее едва прикрывает зелень деревьев, там — широкая полоса под непроницаемой тенью густой растительности, а дальше зеленый дерн стелется до самой воды.

Местами деревья группируются в небольшие рощи самых разнообразных форм: одни совершенно круглые, другие — продолговатые или овальные, третьи похожи на рог изобилия. Густые вершины редких деревьев доказывают, что природа позволила развиваться им без малейшего препятствия. Так и чудится, что видишь перед собой прекрасный парк, разбитый искусной рукой человека, который заботился о красоте и гармонии.

При взгляде на этот парк в голову невольно приходит мысль: нет ли здесь дворца или какого-нибудь замка, который завершил бы картину; но мы тщетно пытались бы отыскать здание: нигде не видно даже дымка из трубы. В этом диком раю не встретишь ни одной живой души. На великолепных лугах блуждают стада серн, величественная лань покоится в тени густой листвы, — но ни малейшего следа человека... Может быть, даже нога человека никогда...

Остановитесь! Вот мексиканец не согласится с нами — он говорит совсем другое. Послушаем.

— Эта долина называется Сан-Ильдефонсо. Несмотря на то что сейчас она пустынна, было время, когда здесь жили цивилизованные люди. Беспорядочные возвышения, то здесь, то там встречающиеся посредине долины и покрытые травой и кустарниками, — это развалины большого, богатого и цветущего города.

В этом городе стояла крепость, на башнях которой развевался испанский флаг. В обширном здании помещалась иезуитская миссия, а в окрестности жили крупные землевладельцы и богатые рудокопы. Деятельное население оживляло эту молчаливую ныне пустыню, в

которой, как везде на земле, царили любовь и ненависть, честолюбие и месть, скупость и зависть — одним словом, кипели все человеческие страсти. Но сердца, которыми они владели и в которых бушевали, давно уже перестали биться и остыли; действия их и дела, ими совершенные, не нашли места и не запечатлены на бумаге, в летописях народа, и если сохранилась о них память, то лишь благодаря легендам и рассказам, более похожим на вымысел, чем на исторические факты.

Между тем, этим легендам нет еще и столетия. Еще сто лет назад с вершины Сьерры-Бланки видны были не только колония Сан-Ильдефонсо, но города, деревни и поселки — там, где ныне не заметно ни малейшего следа цивилизации. Названия этих городов позабыты, и история их погребена под развалинами.

Индейцы свершали жестокий акт мщения над убийцами Монтесумы[2]. Апачи, навахои, липаны, уахи, команчи и другие независимые племена сделали все, чтобы уничтожить многочисленные поселения. Целые провинции, обращенные в дикое состояние, стали местом охоты для торжествующих победителей. Если бы не энергия, свойственная саксам, и не их постоянно возрастающее могущество, индейцы продолжали бы свою мстительную войну, и, может быть, в стране Анауак[3] не осталось бы и следа от потомков Фернанда Кортеса.

Послушайте же легенду Сан-Ильдефонсо!

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ